

ГАБРИЭЛЭ АДИНОЛЬФИ

НОВЫЕ ЛАНДСКНЕХТЫ ДЛЯ ЕВРОПЫ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2023

УДК 327.5
ББК 66.7
А30

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с французского — А. М. Иванов.

Адинольфи, Г.

А30 Новые ландскнехты для Европы. — М.: Тотенбург, 2023. — 162 с.

Габриэле Адинольфи — итальянский революционер, эссеист, основатель европейского аналитического института «Полярис», излагает нам в данной работе, первоначально изданной в Италии, свою концепцию Европы. По его мнению, в глобализованном мире, в котором мы живем, нет больше будущего у европейских наций, замыкающихся в себе и озабоченных своей кажущейся независимостью. Перед лицом американской сверхдержавы и мондиализма необходима иная концепция Европы. Некоторые возможные пути еще только предстоит исследовать, выстраивая новые союзнические оси. К этому и призывает нас данная работа.

Книга дополнена переводом брошюры Карлоса Дюфура «Сущность системы».

УДК 327.5
ББК 66.7

© А. М. Иванов,
перевод с французского, 2023
© Издательство «Тотенбург», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Габриэлэ Адинольфи

НОВЫЕ ЛАНДСКНЕХТЫ ДЛЯ ЕВРОПЫ

ПРИМЕЧАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАТЕЛЯ.....	7
НЕКОГДА БЫЛ АВАНГАРД.....	9
ЕВРОПА КАК НЕОБХОДИМОСТЬ	17
ЕВРОПА КАК ИДЕНТИЧНОСТЬ	24
ЕВРОПА, КОТОРУЮ МЫ НЕ ЛЮБИМ	39
ВОЗМОЖНАЯ ДРУГАЯ ЕВРОПА.....	58
НИКТО ЗА ТЕБЯ НЕ СОЗДАСТ ТАКУЮ ЕВРОПУ	71
<i>Габриэлэ Адинольфи</i> СУЩЕСТВУЕМ ЛИ МЫ?	82
<i>А. М. Иванов</i> ОТВОЮЮТ ЛИ ЕВРОПУ НОВЫЕ ЛАНДСКНЕХТЫ?.....	116

Карлос Дюфур

СУЩНОСТЬ СИСТЕМЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕНТГЕНОГРАФИЯ	127
КАРЛОС ДЮФУР: БИОБИБЛИОГРАФИЯ.....	128
ВОПРОС О СИСТЕМЕ	130
РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА.....	132
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ.....	135

ОБЩЕСТВО, КОТОРЫМ УПРАВЛЯЮТ СМИ	140
ХРИСТИАНСТВО	144
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.....	148
НОРМАТИВНОЕ ТОЛКОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ	155
РЕЗЮМЕ.....	158

ГАБРИЭЛЭ АДИНОЛЬФИ

**НОВЫЕ ЛАНДСКНЕХТЫ
ДЛЯ ЕВРОПЫ**

Я посвящаю эту работу Пьеру Дриё Ла Рошелю,
Жану Тириару, Ариано Ромуальди, Великой Армии
и всем тем, кто впоследствии не сбился с пути.

ПРИМЕЧАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Габриэле Адинольфи — личность, без которой немислим итальянский революционный дух. Он известен во французских кругах, потому что превратности политической борьбы вынудили его почти двадцать лет жить в эмиграции в нашей стране.

Вспомним, что в эпоху, которую принято называть «годами свинца», то есть в 70-х годах, в его стране царил воистину мятежная атмосфера. Правительство христианских демократов, связанное с мафией и служившее американским интересам, погрязло во множестве скандалов. Коммунистические террористы из Красных бригад участвовали в актах насилия, и многие начали испытывать ностальгию по славной эпохе Муссолини. Чтобы предотвратить свое падение, прогнившая власть устроила провокацию — кровавые теракты, вину за которые свалили на национал-революционные организации. Больше всего жертв повлек за собой взрыв на вокзале Болоньи 2 августа 1980 года — 80 убитых и 200 раненых.

За этим последовала волна небывалых репрессий против неофашистских кругов, в частности против движения «Терца позиционе», одним из руководителей которого был Габриэле Адинольфи. Перед ним стоял выбор — эмиграция или тюрьма. Он вы-

брал первый вариант. Однако ни его наивность, ни причастность его движения к этому теракту никогда не были доказаны. Теперь, тридцать пять лет спустя, никакое обвинение над ними не тяготеет.

В настоящее время он живет в Риме, возглавляет Институт «Полярис».

За время вынужденного пребывания в нашей стране Габриэле Адинольфи обзавелся сетью товарищей, которым он внушал позитивное представление о революционных идеях. Благодаря ему мы далеки от шаблонов, от готовых мыслей, навязываемых системой, равно как и от упрощенных, фантастических представлений некоторых жертв ностальгии, которые ищут острых ощущений.

Габриэле Адинольфи излагает нам в этой брошюре, первоначально изданной в Италии, свою концепцию Европы. По его мнению, в глобализованном мире, в котором мы живем, нет больше будущего у европейских наций, замыкающихся в себе и озабоченных своей кажущейся независимостью. Перед лицом американской сверхдержавы и мондиализма необходима иная концепция Европы. Некоторые пути необходимо исследовать. К этому и призывает нас данная работа.

Ролан Эли

НЕКОГДА БЫЛ АВАНГАРД

Когда я был молодым, те, кто был постарше меня, сделали своим лозунгом «Европа-нация». За этой магической формулой скрывалась не просто теория, разработанная интеллектуалами, она выражала двойное самосознание, сознание своей идентичности и сознание своей судьбы.

В ту эпоху занятие политикой не было таким поверхностным, неврастеническим и бесплодным, как у многих в наши дни. Активист не был потребителем готовых идей, их не внушал ему телевизор, он не подчинялся двусмысленному языку и не представлял себе революцию как вспышку на витрине *social network* или как залп в *tweet* или в *textos*.

Во-первых, давайте уберем двусмысленности. Я говорю это не от ностальгии по моей юности и не собираюсь петь о том, «как зелен был мой луг». Можно общаться, используя новые языки Большого Брата, и даже каким-то образом приспособить их для пропаганды наших идей, преобразить таким способом навязанный нам вредный подход.

Чтобы достичь такого результата, мы в исследовательском центре «Полярис» давно уже предлагаем решения, как использовать в своих целях эти орудия вместо того, чтобы дать им загнипнотизировать и уничтожить нас (www.centrostudipolaris.org).

Констатация актуальности и, мы надеемся, лишь минутное экзистенциальное и умственное сползание в царство эпидермического, поверхностного, *fast mood*, эритемы, поспешного эксгибиционизма в любом случае необходимая прелембула, если мы не хотим, чтобы у нас всего лишь высыпали мурашки, а намереваемся по меньшей мере попытаться повлиять на наши судьбы.

Если не осознать этого, даже питая противоположные иллюзии, а наоборот, дадим себя увлечь образу жизни и мыслей, преобладающему в данный момент, мы не сможем прийти абсолютно ни к каким выводам, потому что, как мы подробнее объясним ниже, сегодня повсюду, а не только в сексуальной сфере, преобладает трансгендерная культура. Господствует импровизированный индивидуализм, претензии со стороны каждого атома, имеющего имя (а иногда просто *nickname*) и какую-то биологическую функцию, стать чем угодно, но прежде всего не тем, чем он является. Тот, кто никогда не действовал, присваивает себе право осуждать тех, кто действовал, выносить приговоры на основании убеждений, которые он считает своими, но которые он в действительности просто искажил и, с целью сделать любой выбор, продиктованный капризами, вожделенными, мимолетными желаниями, всегда готов принять в объятия противоположное тому, что он обожал минутой назад, и тон его останется таким же разложившимся.

Индивид теперь сводится к памяти и к умственным пределам мухи, он вспыльчив, вечно недоволен, возбужден, ищет выход в том, чтобы вести себя как мутант при каждом повседневном действии. Он все время остается трансгендером.

Гендерная теория, которая отрицает половую идентичность (последний остаток идентичности в мире, в котором уже отвергнуты биологическая, историческая, культурная и общинная идентичности), утверждает, что нет ни мужчин, ни женщин, что гомосексуальные тенденции или стремление превратиться в транссексуалов настолько хороши, что ежедневно можно мутировать и сексуально обновляться: идентичность — вещь преходящая, это предмет потребления.

Наводит на размышления тот факт, что и в политических проявлениях мы обнаруживаем ту же самую схему: можно быть одновременно сексистом и антисексистом, расистом и антирасистом, сторонником репрессивного порядка и безграничных свобод, человеком убеждений и чистым листом, сепаратистом и националистом, фашистом и завсегдаем антифашистских «советов», антипарламентарием и плясать под дудку парламента, законопослушным гражданином и преступником, антисемитом и сионистом, верующим и атеистом, карьеристом и моралистом... Этого требуют культура нашего времени, повседневный гипноз, это навязывает современный язык. Все возможно, и не требуется никакой провер-

ки, никакого углубления познаний, никакого укоренения в собственном прошлом. Последнее все больше отрывается от эстетики, которая сегодня часто проявляет впечатляющую контртенденцию по отношению к нашей истории, все больше прискорбного безобразия. В этой области так же, то есть в идентификации по символам на теннисках или по логосам в «блогах», в обществе в целом преобладают фрагментация, разделение на племена, атомизация, и мы все время говорим о том, что от мира осталась взрывчатая среда.

Общество раздраженных людей, потребителей, плакс, самонадеянных типов и завсегдатаев баров, с концепциями, запечатленными в мозгах, причем не предпринимается никаких попыток взвесить эти концепции или сделать их рентгеновский снимок, маленький мирок людей, подвергшихся дрессировке во времена Большого Брата, лихорадочно жаждущих немедленного успеха, шумного, хотя и эфемерного, основанного на зыбучем песке так называемых законов рынка, то есть предполагаемого массового спроса, идущих по этому пути поспешно и весело, не думая о пище и не уставая, не имея в виду перспективу на средний или дальний срок, не работая над собой и над своими собственными идеями.

Собственными? Идеями? Да бросьте! Если с двадцатых по семидесятые годы из национал-революционных кругов возникали политические, культурные, художественные и интеллектуальные

авангарды — и не только на Западе, этот процесс охватил полмира, — это не было случайностью. Эти авангарды не были исключением, возникали и другие, ориентировавшиеся на разные идеалы. Но наши, несомненно, отличались высоким уровнем, большой ценностью, сильными новаторскими способностями, и они больше, чем все другие, опередили в своих анализах свое время.

Вот уже четыре десятилетия остатки этого мира, наоборот, прибегают к помощи костылей, доставшихся им от предшествующих поколений, и почти никогда им не удавалось обновить или сделать более современными идеи, которые они скорее лишили всех жизненных элементов, подменив их смертоносным наследием других политических традиций реакционного толка, известных своим бессилием. Это происходит, потому что при таком методе не устают: цепляясь по инерции за стереотипы, проживают жизнь от колыбели до могилы, не создав ничего нового, никакой альтернативы.

Слышится то мурлыканье, то ворчание, налицо попытки найти убежище в догмах, раздражение является следствием недовольства собой и жизнью, но почти никто не ищет причину в самом себе.

Если предыдущие поколения вели себя совершенно иначе, и у них было столько озарений, они дали столько положительных, жизненно важных ориентиров, то этому был ряд причин.

Одни из этих причин зависели от объективных условий: общество еще не было атомизировано, повседневная жизнь была полна жизненной силы, не было ни малейшей экзистенциальной обусловленности физических отношений и конфликтов.

Иными словами, мы тогда еще не вступили в измерение зомби, вампиров и концлагерей под открытым небом, какие мы видим сегодня.

Надо многое сделать для того, чтобы заполнить это объективное отклонение, но уже одно осознание нашего отрыва от реальной жизни было бы прекрасной исходной точкой для того, чтобы снова начать мыслить и перестать жить чужими мыслями.

Однажды осуществив это великое усилие воли, совершив этот трудный переход, мы должны будем понять, почему эти поколения были гениальными и активными, и исправить все наши недостатки, чтобы восстановить связь с их традицией.

Воспитание, образование, культура, здравый смысл — все должно быть теперь подвергнуто проверке, взвешено, углублено — вот что мы предлагаем. Политическая мысль не может истощиться в попытках навязать постулат: она обретает ценность лишь в том случае, если она сопровождается рядом проверок путем сопоставления данных и элементов, помогающих выработать формулировку. Это не будет *selfie*, эта формулировка не должна быть хороша только на сегодня и в лучшем случае на завтра, она должна охватывать будущее и прошлое.

Только в этом случае можно говорить о политической мысли. Наконец, точнее с самого начала, она должна быть обращена не только к современникам, но и к потомкам, должна соответствовать истории, геннам, принципам, образу жизни, этосу предков, соблюдать рубежи, выбирать голоса, к которым следует прислушаться. В противном случае она не будет иметь корней и в еще меньшей мере будет самобытной.

Более того, она будет ничем, если она не будет вдохновляться волей к власти и не будет воплощена в практику.

Следует добавить, что все те люди, которые некогда диктовали линии поведения, принадлежали к какому-то движению или партии, участвовали во всех ее боевых акциях, начиная с уличных стычек, и иногда кончали мученической смертью, стоя перед расстрельным взводом. Они не могли, как многие хотели бы сделать сегодня, назваться идеологами — это ужасный термин, несовместимый с идеальным размахом мысли, с действием, по этой причине не будет неправильным отобрать идеологию у интеллектуалов.

Теоретики, ораторствующие на конференциях, рождающие свои теории в офисе или на диване, а не в борьбе, предлагающие чудесные и апокалиптические окончательные решения, которые принимают близко к сердцу многие попугаи, наслушавшись сенсационных лекций или начитавшись академических трудов, появились недавно и служат наиболее ясным

и очевидным признаком небытия, которое безжалостно надвигается и грозит закрыть собой пустоту и дезориентацию.

Может быть, этот мой тезис чрезмерно синтетичен, но я надеюсь, вы сможете понять, почему за почти семью десятилетиями авангарда последовали четыре десятилетия прислуги и каким образом это произошло.

Если мы хотим изменить регистр — а я думаю, что, по крайней мере, знающее меньшинство хочет это сделать, — то мы должны снова спаять сломанный меч и пойти по правильному пути, как предшествующие поколения, которые были впереди своего времени, а часто и нашего.

Если эти поколения были впереди по части анализа, что теперь объективно доказано и признано, то они, несомненно, должны быть впереди и в области синтеза и своих предложений, к которым мы непременно должны вернуться. Правильное название этого синтеза и этих предложений — Европа-Нация.

ЕВРОПА КАК НЕОБХОДИМОСТЬ

Уже в двадцатых годах появились люди, которые начали мыслить в европейских масштабах.

Первая мировая война и большевистская революция дали понять, что Старая Европа, центр мира, находится под угрозой упадка, маргинализации, а может быть, и вымирания. Это было время большевистских революций, создания космополитической финансовой системы и Лиги Наций.

Вплоть до кризиса, вследствие которого началась Вторая мировая война, европейская идея понималась как средство усиления своей собственной национальной мощи, как в Италии, так и во Франции и в Германии. Но по мере того, как обретала силу мировая логика, которая, с одной стороны, благоприятствовала деколонизации или вообще национальному освобождению стран Третьего мира, а с другой стороны, заставляла осознать необходимость того, чтобы Европа стала мощным компактным блоком, чтобы защитить свою цивилизацию и сохранить свою роль в мире, прежде всего потому что усиливались Америка и Азия.

Сегодня говорят лишь об одном европеизме, о федеральном европеизме антифашистов, исповедующих масонский универсализм. Но идея Европы принадлежала прежде всего державам Оси и их политическим авангардам.

В Германии, например, сопротивление этой новой идее, которая с каждым днем все больше захватывала молодежь, оказывала регулярная армия, Вермахт, в то время как идея европейской добровольческой армии вызревала в формированиях партийной молодежи, а позже в более политизированных армейских дивизиях, доступ в ряды которых был открыт для европейских добровольцев — некоторые из них были последними защитниками Берлина.

В Италии Итальянская социальная республика заявляла о своем европейском призвании может быть не столь четко, как Германия, по той причине, что наше жизненное пространство частично находилось в Африке, а также потому, что эта основополагающая идея Европы, противоположная идее нынешнего Европейского Союза, не нравилась универсалистскому Ватикану, который имел у нас большое подспудное влияние и яростно критиковал фашистскую мистику и все в европейском союзе, что казалось ему языческим, но делало этот союз жизнеспособным, духовно открытым для поиском общего знаменателя, союзам, в котором Ватикан не смог бы господствовать и уж никак не полностью.

В других странах антибольшевистский и антикапиталистический крестовый поход был не единственной мотивировкой для вступления в армию Оси тысяч добровольцев, они были убеждены, что настал переломный момент: либо спасение и господство Европы, либо риск ее окончательного упадка.

Никто не выразил идею этого твердого убеждения лучше, чем Пьер Дриё Ла Рошель, великий французский писатель родом из Нормандии, друг новой Европы, человек с необыкновенно независимым характером, который добровольно ушел из жизни, не пережив крушение своей мечты.

Мы люди сегодняшнего дня.

Мы одиноки.

У нас нет больше богов.

Мы не верим ни в Иисуса Христа, ни в Карла Маркса.

Мы верим только в кровь, которая течет в наших жилах.

Прощайте, принцы, потерявшие свои короны.

Прощайте, социалисты, чьи революции не удались.

Надо немедленно, сразу, сию секунду начинать строить баиню нашего отчаяния и нашей гордости.

Надо, чтобы проливая пот и кровь всех классов, мы построили родину, какую никто никогда не видал, сплоченную, как стальной блок, ставшую магнитом.

Все опилки Европы будут собраны, добровольно или силой.

И тогда, перед лицом этого блока, Азия, Америка и Африка обратятся в прах.

После 1945 года полное смятение среди сторонников фашизма во всех его формах и в Европе вызвала та мысль, что Вторую мировую войну выиграли державы континентальных размеров, такие как СССР или США, а проиграла ее Европа в целом.

Это поняли и другие интеллектуалы, которые во время войны стояли на другой стороне, такие как Курцио Малапарте.

Идея Европы-Нации зародилась среди побежденных, меньше страдавших от ностальгии, как лозунг реконкисты. Ее теоретиком был бельгийский коллаборационист Жан Тириар, основатель движения «Молодая Европа» и автор знаменитой книги «Европа: империя с населением четыреста миллионов человек». Пользуясь почти ленинскими методами, он создал почти во всех странах Европы секции движения, которое должно было стать партией — инициатором континентального объединения.

Эта идея вызвала отклик повсюду и, в частности, в Италии. Она дала молодой партии кадры активистов, которые были настолько увлечены этой перспективой, что почти все неофашистские университетские круги приняли концепцию Новой Европы и признали Кельтский крест его эмблемой. Итальянское социальное движение (МСИ), тогда главная неофашистская партия в Европе, полностью приняло идею, выражаемую формулой «Европа — нация отечеств», и выдвинуло самый прекрасный и исчерпывающий послевоенный лозунг: «Фашизм, Европа, Революция». Во избежание репрессий его переделали потом в «Италия, Европа, Революция», но суть осталась та же. Первым авангардом в традиционно якобинской Франции были те, кто основал в конце 60-х годов ГРЕСЕ (Группу исследований европей-

ской цивилизации), известные также как «новые правые». Они пошли на открытый разрыв с патриотами и даже с моррасистами из «Аксьон Франсез», когда они внесли в национальное движение идею Европы, Европы регионов и народов, которую популяризировал наряду с прочими знаменитый эссеист, журналист и идеолог Джорджо Локки.

Самым основательным созданием ГРЕСЕ была молодежная организация типа скаутов, которая существует уже сорок лет и не случайно называется «Молодежь Европы».

Концепция Европы у национал-революционных авангардов с 1949 года (год подписания Атлантического пакта) по 1989 год (год падения Берлинской стены) была абсолютно ясной. Бегло повторим ее:

1. Мировые войны привели к разгрому, разделению и порабощению Европы и выдвинули на первый план два континента, отличных от нашего и наших врагов в борьбе за господство на мировой сцене: Америку, воплощенную в США, и Азию, воплощенную в СССР (Советской России).

2. Рыночный, колониальный, экономический мир разделен на сектора влияния двумя соперниками-сообщниками: США и СССР, которые устроили пир на наших останках, заключив Ялтинские соглашения.

3. Разорванной на куски и порабощенной Европе угрожает также духовная, культурная и биологическая опасность. Невозможно в атомную эру и на заре

эры спутников быть независимым и играть историческую роль, не будучи континентальной державой.

4. Европа-Нация представляет собой единственную возможность изменить ялтинскую безопасность и, если она будет обладать ядерным оружием, она сможет возродиться и снова стать действующим лицом мировой истории.

В этом плане следует отметить, что МСИ выступало за обладание ядерным оружием и против договоров о его нераспространении, навязанных его противниками. Это была одна из ее самых интересных битв, особенно антипатичная американцам.

Это мифическое видение и судьба диктовали самый мудрый политический выбор, который сегодня кажется очевидным.

Недостаточно было антикоммунизма, потому что он играл на руку либеральному капитализму; недостаточно было антикапитализма, потому что он играл на руку коммунизму; и тот, и другой играли на руку антиевропейскому лагерю; надо было быть одновременно антикапиталистами и антикоммунистами.

В наши дни, после потрясения, вызванного крахом СССР, можно высказывать любые идеи, в том числе самые глупые. Из тех, кто стоит на чисто антикапиталистической точке зрения, некоторые доходят до того, что хотят реабилитации коммунизма. Это полная бессмыслица, как со структурной точки зрения (истинный капитализм и мондиализм это типично коммунистические виды общественного уст-

ройства), так и с историко-политической точки зрения. И что еще хуже, не принимается во внимания, забыт или обесценен весь живой и плодотворный опыт неофашизма, опрометчиво отброшенный и смешанный с атлантизмом.

Те, кто упрекает крайне правых прошлых лет в том, что они не разрушили мосты, связывавшие их с западничеством, чтобы сблизиться с советским миром, являются не только жертвами искаженного взгляда на вещи и комплекса независимости и свободы, как раньше, когда они боролись за то, чтобы быть действующими лицами, а не за право выбирать хозяина, которому надо будет служить.

Подлинным желанием было направить Европу на Третий путь, сделать ее центром сопротивления, могущества и возрождения.

Осознавалась угроза Европе, ее культуре, ее традициям, ее ДНК, в предвидении наплыва инородцев проявлялось желание снова обрести силу, чтобы помешать этому, чтобы изменить соотношение сил и радикально изменить ситуацию.

Европа была исторической и биологической необходимостью: в начале сороковых годов это чувствовали наиболее дальновидные национал-революционеры. Двадцать лет спустя это поймут все, кто принадлежал к этому историко-идеальному и воинствующему направлению.

Конец ознакомительного фрагмента.